

© А. Е. Загребин

УУНО ТААВИ СИРЕЛИУС И ЕГО “ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЕРА”

Ключевые слова: финно-угорские народы, история этнографии, этнографические экспедиции, музеи, выставки, кафедра финно-угорской этнографии

В статье рассматриваются ключевые моменты в истории изучения культуры финно-угорских народов России, связанные с личностью основателя кафедры финно-угорской этнографии в Хельсинкском университете профессора Ууно Таави Сирелиуса (1872–1929). Представлена роль исследователя в создании этнически узнаваемого образа финно-угорских народов в науке, образовании, литературе и политике; анализируются его теоретико-методологические поиски в развитии экспедиционных и музейных практик в контексте идей европейского народоведения рубежа XIX–XX вв.; отмечается роль финского ученого в подготовке первого поколения профессиональных этнографов из числа финно-угорских народов России. В статье показана специфика научной деятельности Ууно Таави Сирелиуса, включая методику полевой работы, издательские и выставочные проекты, приведены факты преемственности в области этнографического финно-угроведения.

Эпоха модерна с ее социальными и техническими новациями, как ни странно, актуализировала дискурс “традиционности” — основные надежды возлагались на науку об этнических культурах. В этой благотворной среде зарождалась финно-угорская этнография, ставшая своего рода местом встречи финских, венгерских, эстонских и русских исследователей, интересующихся особенностями хозяйства, домашнего быта и религиозных практик родственных народов, исторически разделенных расстояниями и государственными границами (Загребин 2014: 5). Воспитанные на книгах первопроходцев, движимых идеями общей прародины и золотого века финской культуры, они старались совместить романтический концепт “один народ — одна культура” с реалиями полевой работы и прагматичными этнологическими теориями. Развитие понималось ими как поэтапный путь к вершине эволюции, включающий миграции, культурные заимствования, освоение людьми различных природно-климатических ареалов и т.д. Складывалась единая цепь размышлений, приводящая к, казалось бы, понятной схеме, подкрепленной обширным полевым материалом — легендами и артефактами, соответствующими заданным параметрам, — что должно было стать универсальным ключом, открывающим двери в финно-угорское прошлое. Никто тогда серьезно не задумывался об опасностях слишком широких обобщений. Преемники пионеров финно-угорских этнографических исследований, критически осмысливая их достижения и ошибки, тем не менее сохранили память о первопроходцах и уверенность в верности избранного пути.

Ууно Таави Сирелиус (1872–1929) тоже мог вспомнить о путях, включающих и экспедиционные тропы, и паркет коридоров власти, о людях, наполнивших про-

Алексей Егорович Загребин | <http://orcid.org/0000-0001-9381-9581> | zagreb72@izh.com | д.и.н., профессор РАН, главный научный сотрудник | Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского ФИЦ УрО РАН (ул. Ломоносова 4, Ижевск, 426004, Россия)

Этнографическое обозрение. 2019. № 2. С. 150–166. <https://doi.org/10.31857/S086954150004875-2>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

фессию этнографа вещами и впечатлениями. Отмечая в записных книжках и газетных репортажах почти каждый прожитый полевой день, Сирелиус дотошно фиксировал все то, что могло пригодиться его деятельной натуре. Сходясь с коллегами по цеху, а дружба с некоторыми из них длилась десятилетиями, он никогда не поступался своим пониманием существа предмета — “этнографической верой”, которую хотел передать ученикам. Возможно, на склонность к наставничеству повлияла его семейная история.

Семья и школа

Детство этнографа прошло в финской Карелии в с. Яаски Выборгской губернии, где его отец был пастором¹. Жизнь в сельской глубинке, куда на излете XIX в. все настойчивей проникали свидетельства грядущего “века промышленных машин”, помогла ему позднее понять пасторальные настроения просвещенных горожан, видевших в “карелианизме” утерянные ключи от милой сердцу старины (*Sihvo* 1999: 185–187)².

Укрепление позиций “фенноманов” в те дни подвигло немалое число жителей Великого княжества Финляндского задать себе вопрос: “Кто мы?”. Борьба в местной политике сторонников “прошведской” и “профинской” линий обострилась с выходом на передний план проблемы выбора языка и культуры³. Несмотря на свойственные духовному сословию латинизированную фамилию и шведский язык, Сирелиусы склонялись в сторону финскости, что, в общем, было естественно для семьи священника, чья паства в подавляющем большинстве думала, говорила и пела по-фински.

Школа, а затем классический лицей в Выборге не изменили взгляды Сирелиуса и, поступив в 1891 г. в Императорский Александровский университет в Гельсингфорсе, он выбрал в качестве профилирующего предмета финский язык и литературу. Его студенчество пришлось на бурное время, когда в публичную плоскость вышли скрытые противоречия между имперскими властями и правящим классом автономии (*Полвинен* 1997: 240–245). В назревавшем кризисе взаимоотношений центра и периферии забывались былые обиды; в авангарде протеста были студенческие землячества⁴. Во время учебы в университете Сирелиус проявил себя ярким полемистом, выступавшим за сохранение закрепленных законом прав и привилегий Великого княжества. Патриотизм финляндских студенческих союзов воплотился в ряде творческих проектов и культурных инициатив, среди которых был университетский музей. Изначально музей был краеведческим, но — т.к. землячества старались отразить в экспозициях народное искусство и быт родной стороны⁵ — постепенно становился этнографическим, прирастая соответствующими экспонатами. Большая заслуга в этом принадлежала старейшине выборгских студентов, приехавшему в столицу княжества двумя десятилетиями ранее Сирелиуса, доценту Т. Швиндту, с которым молодого ученого объединяла любовь к малой родине. В отличие от Т. Швиндта, делавшего ставку на краеведение и археологию, Сирелиус видел перспективу в занятиях компаративной этнографией родственных финнам народов.

Первым эту тему поднял этнограф и археолог А.О. Хейкель, защитивший диссертацию по сравнительному изучению народных жилищ финнов, эстонцев, мордвы, марийцев и удмуртов (*Heikel* 1888). В качестве доцента финской этнографии он вел в университете курс по этнографии родственных народов, работал в музее и много путешествовал — прошел с экспедициями от Орхона до Среднего Поволжья (*Niiranen* 1987). Сирелиус, всегда выражавший уважение старшему коллеге, тем не менее был нечастым гостем на его лекциях, предпочитая им занятия в музее. Быть может, его останавливало то, что А.О. Хейкель, несмотря на масштаб работ и приверженность эволюционной доктрине, не был готов отделить “финское”

от “финно-угорского”, рассматривая локальное как часть динамики одной культуры от Оби до Дуная. Однако У.Т. Сирелиус и А.О. Хейкель сходились во мнении, что доказательную базу любой теории нужно строить на примерах из мира вещей, которые важно было заставить рассказывать истории.

В эти годы фонды Государственного исторического музея пополнили собрания, характеризующие жизнь родственных финнам народов: обско-угорская коллекция профессора финского языка и литературы А. Алквиста (*Lehtinen* 1993: 84–93), удмуртские артефакты, собранные за годы службы на Ижевском оружейном и сталелитейном заводе военным врачом М.Т. Бухом (*Buch* 1882). Сирелиус мечтал об экспедициях на Восток, откуда прибыли в музей эти вещи. Осуществить эти планы помог случай: летом 1897 г. Т. Швиндт, несмотря на нездоровье, готовившийся к очередной поездке в окрестности Кексгольма, обратился к Сирелиусу с просьбой познакомиться с музеем приехавшего в Гельсингфорс венгерского этнографа.

Знакомство с Яношем Янко

Заведующий отделом этнографии Венгерского национального музея Я. Янко был харизматичным молодым ученым, со своим взглядом на проблемы финно-угроведения (*Korompay* 1953). Он хорошо ориентировался в концепциях европейских этнологов, говоривших о влиянии факторов расселения и развития хозяйства на этничность (*Balassa* 1968). По мнению Я. Янко, для исследования этого влияния необходимо было выстраивать типологии изучаемых объектов, набирая множественные факты (*Jankó* 1978: 223–224). Обладая знаниями по народной культуре венгров, для сравнения он остро нуждался в финно-угорском материале.

Именно такой наставник был нужен Сирелиусу. Ученые задумывали экспедиции в Сибирь (*Jankó* 1993). Эти планы были продиктованы не столько завораживающими описаниями путешествий М.А. Кастрена и А. Регули, сколько уверенностью Я. Янко в своем видении эволюции культуры финно-угров — культуры, элементы которой он предполагал обнаружить в селениях обских угров, по-прежнему живущих дарами леса и реки⁶.

В решении финансовых вопросов будущей экспедиции У.Т. Сирелиус рассчитывал на помощь Финно-угорского общества, правление которого желало получить материалы по обско-угорской этнографии в дополнение к уже имевшимся фольклорно-лингвистическим собраниям. Я. Янко нашел поддержку в лице венгерского мецената Е. Зичи, организовавшего и профинансировавшего проведение этнографических исследований в Западной Сибири⁷. Ученые отправились в путь в октябре 1897 г., по дороге они посещали российские музеи и местные научные общества. Поездка заняла несколько месяцев. Начальной точкой маршрута стал Санкт-Петербург, далее были прибалтийские губернии, затем Минск и Смоленск. В Смоленске дороги ученых разошлись, т.к. Я. Янко отправился в Тифлис, где ему предстояла встреча с другими участниками экспедиции графа Зичи.

Трудно сказать, где и при каких обстоятельствах возникла гипотеза, что рыбная ловля может быть тем ключевым фактором, который связывает прошлое с настоящим, а западных финно-угров с восточными, тем не менее предмет изучения был четко определен. Ловля рыбы была распространена повсеместно — от Оби до Балатона, от Балтики до Волги, что давало простор для построения типологий⁸. Подтверждали важность этого фактора и археологические данные. Во многих домохозяйствах в ходу были дедовские снасти, а уже исчезнувшие еще сохранялись в рыбацкой памяти. Казалось бы, что охота тоже удовлетворяла заданным условиям поиска, но несложный сравнительный анализ показал широкое распространение среди охотников фабричного оружия и покупного пороха, тогда как снаряжение рыбака серьезно не изменилось за прошедшие столетия. Правда, в отличие от Я. Янко,

Сирелиус хотел, чтобы его типологические ряды учитывали не только “верши и заплоты”, но и варианты народного домостроительства, костюмные комплексы и ремесленные навыки, что во многом предопределило локацию, методологию и продолжительность будущих поисков.

Экспедиции в Россию к родственным народам

В мае 1898 г. в компании со своим школьным другом Г. Стенбергом, получившим университетскую стипендию для изучения сибирской флоры и фауны, У.Т. Сирелиус сделал в Томске нужные для длительного путешествия закупки (MV-КТК-КА). В Томском университете в это время работал известный исследователь этнографии восточно-финских народов С.К. Кузнецов, общение с которым было полезным для начинающих полевиков (*Понов* 2005: 63). В середине июня они прибыли на пароходе в г. Нарым, где наняли крытую лодку с гребцами и отправились на ярмарки в села Тымское и Каргасокское, чтобы встретиться с прибывающими на торг хантами.

Плавание по Средней Оби и верховьям Васюгана с остановками в хантыйских юртах, русских деревнях и на рыбопромысловых участках продолжалось до первых чисел августа (*Sirelius* 1900a). Двухнедельная стоянка в с. Айполовском была использована для приведения в порядок дневников и фотоматериалов. Затем были обратный путь в Нарым и неожиданная встреча с Я. Янко, оказавшаяся последней⁹. Отказавшись от поездки на р. Юган, где уже поработал Янко, Сирелиус отправился к хантам на р. Вах. До ледостава он жил в с. Ларьятском, ожидая зимника, чтобы можно было вернуться на оленьих упряжках. Переживая время, он систематизировал купленные вещи и изучал метрики, пытаясь выяснить обстоятельства христианизации местных народов. В конце ноября этнограф вернулся в Томск и к Рождеству был дома.

Летом 1899 г. также из Томска Сирелиус отправляется во вторую экспедицию (*Sirelius* 1900b, 1983: 15–21). С конца июня 1899 по февраль 1900 г. продолжается его работа среди хантов, манси и ненцев; этот период стал временем преодоления трудностей, а собранный материал послужил залогом появления печатных работ ученого в последующие годы (*Sirelius* 1902, 1903a, 1903b, 1904). Сотни купленных Сирелиусом вещей на Агане, в Сургуте и Обдорске, на Сыгве и Конде, в Самарово и Тобольске пополнили обско-угорское собрание Национального музея Финляндии. В этот период Сирелиус окончательно утвердился в выборе профессии и о карьере коммерсанта более не помышлял.

После поездок в Западную Сибирь Сирелиус продолжил работу в музее, параллельно активно занимаясь научной деятельностью. В 1906 г. он защитил докторскую диссертацию и с этого момента мог вести лекционные курсы. Теперь, согласно его же теории, экспедиционные планы вели в крестьянские общины пермских народов — коми, коми-пермяков и удмуртов, образ жизни которых сохранял связь с традицией, когда лес воспринимался как старый друг, а поле и плуг пока не могли составить конкуренцию лесным промыслам.

Известно, что для эффективной полевой работы в короткие летние месяцы этнографу нужны надежные люди, знающие край не понаслышке. Руководствуясь этим, правление Финно-угорского общества весной 1907 г. выделило субсидии доценту Гельсингфорского университета У.Т. Сирелиусу и своему стипендиату — студенту Московского университета, коми по происхождению, В.П. Налимову (*Sirelius* 1908a: 15) для этнографических исследований среди родственных финнам народов в Архангельской, Вологодской, Пермской и Вятской губерниях.

В официальном отчете Сирелиус писал, что начал “пермскую” экспедицию в конце июня 1907 г., когда отправился по железной дороге из Санкт-Петербурга через Вятку до ст. Мураши и далее в конной повозке к месту первой стоянки

в с. Летка. Сирелиус совмещал научные наблюдения с написанием занимательных травелогов для столичного еженедельника “Helsingin Sanomat”¹⁰. Встреча с этнографической реальностью оказалась для него неожиданно дорогостоящей: сметливые летские коми-пермяки, прознав о страсти путешественника к старым вещам, старались продать их втридорога, торгуясь за каждый бабушкин сарафан. Фотографировать приходилось преодолевая страх местных жителей перед “орудием Антихриста”.

Получив непростой “летский опыт”, в дальнейшем Сирелиус опирался на молодых образованных коми¹¹. В с. Усть-Кулом это была А.Г. Кузиванова, в Скородуме — учитель начального земского училища А.И. Шомысов, а в с. Вильгорт к нему присоединились в качестве переводчиков и проводников А.А. Чеусов и В.П. Налимов¹². В ходе полевых наблюдений ученый зафиксировал два параллельных мира народа коми. Первый связывался с сельским обществом, коммерческим лесоповалом и сплавом, церковными праздниками, распространением грамотности и русского языка. Второй — с лесом, где на заимках и в поднятых на недоступную для медведя высоту промысловых амбарчиках обитал таежный дух.

В конце июля 1907 г. У.Т. Сирелиус направился в удмуртские земли через Котлас и Вятку. Предполагая, что северные (глазовские) удмурты уже значительно русифицированы, он надеялся отыскать островки традиционности в южной и западной частях Сарапульского уезда Вятской губернии. Местом его базовой стоянки стало с. Бураново, в котором жил Г.Е. Верещагин — священник и этнограф, хорошо известный в научной среде знаток удмуртского быта (*Загребин, Шаронов* 2008: 112). Но близость села к уездному городу и заводу заставляла ученого искать более уединенные селения. В начале августа он перебрался в западные волости уезда, обосновавшись в д. Курчум-Норья. Сопровождал его сельский учитель Н.И. Васильев, сын священника и собирателя удмуртского фольклора о. Иоанна. В Курчуме Сирелиус много фотографировал и разговаривал со старожилками¹³, его заинтересовало устройство удмуртского родового святилища *быдзым куа*. В середине августа, нагруженный новыми приобретениями, он выехал в стоящий на Каме г. Сарапул. Пароходом добравшись до Казани, ученый ненадолго заехал к мари́йцам и 21 августа 1907 г. был уже дома.

Судя по дневниковым записям, Сирелиус не был до конца удовлетворен результатами экспедиции, в т.ч. из-за несложившихся отношений с местными жителями. В условиях краткосрочной поездки вряд ли можно было надеяться на иное, но Сирелиус находил и внешние объяснения, он видел возможный источник замкнутости, мнительности или излишней агрессивности в многовековом молчаливом противостоянии всему, что несло с собой государство, не желающее учитывать народные традиции, веру и язык. Это мнение укреплялось по мере продвижения по удмуртскому краю. Ученый рад был обнаружить элементы архаики, но его напрягало отсутствие фактов, свидетельствующих о движении этнической культуры к культуре национальной. Иными словами, У.Т. Сирелиус хотел не просто зафиксировать современную жизнь пермян, но выявить подлинный, т.е. “дорусский”, культурный слой.

Важно отметить, что собранная ученым “пермская коллекция” содержит 553 единицы хранения, из которых 111 предметов имеют удмуртское происхождение (КМ SU: 4817). Сирелиус составил подробное описание каждой вещи, как правило, сопроводив его рисунком или фотографией¹⁴. Всего им было сделано несколько сотен снимков, негативы которых хранятся в фотоархиве Музейного ведомства Финляндии (MV KA: 39). Неожиданный успех заключался в том, что полевая работа Сирелиуса и его местных помощников дала стимул развитию финно-угорской этнографии в России и способствовала формированию нового поколения профессиональных исследователей (на)родной культуры.

Третья экспедиция У.Т. Сирелиуса в Россию, пожалуй, в наибольшей степени продемонстрировала его стремление отыскивать факты, говорящие о распростране-

нии финно-угорской традиции на Европейском Северо-Востоке. Присутствуя в январе 1911 г. на этнографической выставке в Русском музее, где были представлены экспонаты, собранные в т.ч. в Архангельской губернии, он особо внимательно осматривал артефакты, в коих ощущал финское влияние¹⁵. Сирелиус планировал побывать в пинежских землях и пройти в Беломорскую Карелию прибрежным маршрутом через поморские села. Имея опыт “пермской” экспедиции, когда за короткий срок удалось посетить различные культурные и языковые ареалы, он хорошо спланировал поездку, однако осень (сентябрь — начало октября) была явно не лучшим сезоном для передвижения по Русскому Северу.

12 сентября Сирелиус и художник Й.В. Матилла прибыли в Архангельск по железной дороге и пароходом добрались до г. Пинеги. Дальнейший путь товарищи проделали в конной повозке, останавливаясь в деревнях по течению Пинеги. Путевые наблюдения касались не только этнографических сюжетов, но и антропологии пинежан. Друзья-коллеги изучали постройки, одежду местных жителей, интересовались промысловым правом, инвентарем, средствами передвижения и орнаментикой¹⁶; они отчаянно мерзли, удавалось согреться, лишь ночуя на русской печи. В первую очередь Сирелиуса занимал вопрос о близости культур поморов и соседствующего финноязычного населения¹⁷. Во второй половине месяца водным путем они вернулись в губернский город как раз к началу большого торгового, куда свезли товары купцы и промысловики со всего Приполярья. Хотя покупка вещей не была приоритетом поездки, Сирелиус все же отобрал для музея некоторые экземпляры.

Целью следующего этапа экспедиции стали селения на “летнем берегу” Белого моря, на пути к портовому г. Онеге. Практикуемая поморами охота на тюленей и варка соли стали в эти дни основными объектами внимания исследователей. В Онеге им предстояло отыскать судно для переправы на карельскую сторону. Переход по штормовому морю почти до Кандалакши, оставлявший по правому борту Соловецкий архипелаг, завершился встречей с землей, о которой Сирелиус писал: “Беломорская Карелия! — В этих словах присутствует нечто такое, что тотчас зажигает мысли: стихи Калевалы, мир сказок, откуда они бьют ключом, кантеле, звучащее и наполненное тоской, — может быть найдется указание на них в этом судьбой забытом земном уголке” (цит. по: *Lehtonen* 1972: 76). Природа “поющей страны” и быт ее народа, ранее описанные архитекторами Ю. Бломстедтом и В. Суксдорфом и зафиксированные романтической фотографией И.К. Инхи, настраивали на созерцательный лад (*Blomstedt, Sucksdorf* 1902; *Inha* 1921). В этом малонаселенном девственном крае Сирелиус сделал десятки снимков¹⁸. Его интерес к материальной культуре был вполне удовлетворен. Хорошо зная карельские собрания музея, он приобрел лишь то, что могло дополнить картину “карельского мира”. Сирелиус купил несколько редких образцов народной одежды и заказал с доставкой комплект лыж и сани саамского типа.

Беломорская экспедиция была завершающей, но далеко не рядовой в череде дальних исследовательских поездок У.Т. Сирелиуса¹⁹. Все, что было зафиксировано ученым, накладывалось на многомерную карту финно-угорской этнографии, которую он начал мысленно вычерчивать еще на Оби. Никогда прежде Сирелиус не ощущал с такой остротой переменчивость этнографических полей и близость культурных границ. Ему потребуется немало времени, чтобы осмыслить массив информации, накопленный в полевых тетрадах, и разобраться в личных ощущениях.

Тексты о родственниках народов

Подобно другим музейщикам он знал, что успешность экспозиции зависит в т.ч. от текстового сопровождения предметного ряда. Потому от небольших статей с занимательными сюжетами со временем Сирелиус, опираясь на компаративно

выстроенный фактический материал, перешел к написанию книг, в которых поднимались значимые темы (напр.: *Sirelius* 1924a). Так было с его диссертационными тезисами, разросшимися до трехтомника, ставшего, по сути, пособием по традиционному рыболовству финно-угорских народов (*Sirelius* 1906–1908).

В истории охотничьего промысла у финно-угорских народов Сирелиусом выделялись две формы: “активная охота”, с присущими ей приемами и оружием, и “пассивная”, при которой действия охотника определялись не столько движением мускулов, сколько работой интеллекта (придуманные, грамотно расставленные ловушки и силки)²⁰. По мере усложнения производственных навыков и социальной структуры приоритет отдавался второй форме лесования, более индивидуализированной и менее затратной по времени. Касаясь правовых аспектов, Сирелиус писал, что в ходе конкурентной борьбы за владение промысловыми угодьями между племенами и родами возникают границы, определяющие ареалы их жизнедеятельности. Право собственности на эти участки и способы раздела охотничьей добычи развивалось от начальных коллективистских отношений до осознанного, часто графически зафиксированного права частной собственности (*Sirelius* 1914a). Проанализировав элементы материальной культуры, Сирелиус показал, что человек был, с одной стороны, талантливым изобретателем, с другой — неудовлетворенным потребителем.

“Раскатав” буквально по бревнышку стадии домостроительства финно-угров (*Sirelius* 1910) и заочно подискутировав (в особенности по вопросу ключевого элемента в развитии жилища) с писавшими на эту тему А.О. Хейкелем и Н.Н. Харузиным (*Харузин* 1895), Сирелиус взял долгую паузу, прежде чем подступиться к изучению народной одежды. Привлеченные этнографом данные оказались настолько обширны, что пришлось выделить базовые финно-угорские модели, на основании которых можно было классифицировать локальные варианты финского народного костюма (*Sirelius* 1916). Этот подход был использован ученым и при работе над фундаментальным трудом, посвященным финской народной культуре, ставшим на десятилетия образцом для последующих поколений финских этнографов (*Sirelius* 1919/1921). Обретение Финляндией независимости и трудности становления государственности обусловили в 1920-х годах приоритет национального в научной работе Сирелиуса. Оставаясь верным финно-угроведению, он готов был внести свой вклад в цементирование обновляющегося общества в условиях внутренней борьбы и внешних противоречий.

Сосредоточившись в эти годы на музейной работе, ученый строил “дом Калевалы” из собранных за годы путешествий вещей, готовя Первую финно-угорскую выставку в Национальном музее Финляндии. Представленные на выставке народные одежды, в которые были одеты манекены, в окружении предметов быта столь реалистично отражали “старину”, что музейное начальство очень долго не решалось что-либо менять в предложенной Сирелиусом концепции (*Sirelius* 1923). Музей как дом, где рачительным хозяином каждой вещи было отведено свое место, становился для ученого материальным выражением этничности, а в фондах был представлен “определенный мир” родственных народов (*Жеребцов и др.* 2012: 79). Увлеченность этнографической фотографией помогала Сирелиусу в решении задачи визуализации: запечатленные на снимках образы способствовали тому, что взгляды автора выставки разделялись посетителями. Стремление к типологической стройности влекло “профессора ковров”²¹, как в шутку называли Сирелиуса приятели, к составлению предметных серий, указывающих на пошаговое освоение этносом занимаемого пространства (*Загребин, Шаранов* 2011: 25). Он видел музей в качестве института, генерирующего идеи и продуцирующего исследовательские практики. Свое мнение Сирелиус активно защищал, временами вступая в полемику со специалистами в области народной культуры, порой весьма высокопоставленными.

Методологически предмет финно-угорской этнографии ученый старался закрепить в своих публикациях, среди которых выделяется глава, написанная для трехтомника “Финский род”²². Задуманный как энциклопедия, этот знаковый коллективный труд был призван обобщить все известные на тот момент сведения о финно-уграх. Работа над трехтомником свела вместе старых знакомых по экспедициям на Восток, разделяющих идею единства, основанную на древних языковых формах и нашедшую отражение в произведениях материальной и духовной культуры (Suomen suku I—III). При всей убежденности в своей позиции Сирелиус понимал, что нет смысла искать прямые этнографические аналогии с прошлым в современных культурах, т.к. воздействие природы и влияние соседей история отменить не может.

Своего рода отдушиной была для Сирелиуса его Выборгская университетская компания, многие члены которой в свободное время работали в добровольных научных обществах. Сирелиус активно сотрудничал с Обществом Калевалы, Финским обществом древностей и, конечно, Финно-угорском обществом, в правлении которого занимал разные должности, в т.ч. и вице-президента; он поддерживал идею обучения под эгидой общества помощников, живущих в России, навыкам самостоятельных исследований (*Suomalais-Ugrilaisen* 1908: 6). Чтение лекций и выступления в прессе по вопросам науки и политики способствовали признанию Сирелиуса лидером финских этнографов и формированию круга соратников.

Кафедра финно-угорской этнографии

Осенью 1921 г. в Хельсинкском университете утверждается новая штатная профессура — появляется кафедра финно-угорской этнографии, и У.Т. Сирелиус становится ее заведующим. О трудностях, с которыми предстояло столкнуться ученому, было известно заранее: возможности для занятия финно-угорской этнографией постепенно сужались в силу ухудшающихся отношений с советской Россией; экспедиции и научный обмен были сведены к минимуму и поставлены под жесткий контроль; тексты, поступающие из советских финно-угорских автономий, все больше напоминали реляции об успехах культурной революции и советского строительства. В свою очередь, местные ревнители национальных традиций настаивали на приоритете углубленного изучения Финляндии перед проблемами далеких языковых родственников.

Требовались настойчивость и дипломатия в обосновании потребностей финно-угорской этнографии. Надо было позаботиться о привлечении на кафедру перспективной молодежи — будущих этнографов, не просто ориентирующихся в культурном пространстве своей страны, но видящих его сквозь призму финно-угорской традиции. Сирелиус настаивал, чтобы публикации сотрудников кафедры выдерживались в духе этнографического письма, которого придерживался сам. Уже не юный, профессор Сирелиус, забыв о хромоте, “ходил” со студентами “в народ”, совершая поездки по историческим областям Финляндии (*Vilkuna* 1969: 85—91).

У.Т. Сирелиус был не только научным руководителем, берущим ответственность за перспективы поверивших в него неофитов, но и хорошим лектором, умеющим доносить до аудитории научные концепты так, чтобы слушатели в них поверили (*Lehtonen* 1981: 19). Сам он верил, что теория развития, культурные круги, морфологии и другие учения могут приниматься в расчет, если подкрепляют позиции финно-угорской этнографии как материнской субстанции для всех последующих этнографических исследований родственных народов. Воспитывая своих учеников, Сирелиус готовил себе смену. К чести нового поколения ученых, несмотря на трудности, с которыми столкнулась финно-угорская этнография, они не изменили убеждениям своего учителя и позиции родной кафедры.

В России у Сирелиуса также оставались последователи — представители восточно-финских народов, хранившие память о совместной работе с ним. Имена В.П. Налимова, Т.Е. Евсевьева и даже не знавшего его лично, но стремившегося к нему на стажировку К.П. Герда современный исследователь может встретить в ссылочном аппарате, архивных документах и на этикетках единиц музейного хранения. Пересеклись эти имена и в более поздних обличительных статьях и следственных делах (*Загребин, Куликов* 2011: 153–156), но У.Т. Сирелиус этого уже не застал, в 1929 г. он неожиданно скончался. В течение двух лет, до 1931 г., ректорат Хельсинкского университета не мог определиться с преемником Сирелиуса на посту заведующего кафедрой, любые претенденты проигрывали в сравнении с ним (*Hämäläinen* 1943).

Возможно, это было простым совпадением, но после сына священника пост заведующего кафедрой занимали только крестьянские дети²³. Вместе с ученым уходила в прошлое эпоха больших экспедиций на Восток, выстраивания опорных конструкций и поиска символов этнографического финно-угроведения. Начиналось время методологического плюрализма и экспедиционного минимализма, когда “с ясного исследовательского пути пришлось сбиться на извилистые тропинки” (*Вилкуна* 1965: 132). Однако в наследие новым поколениям ученых осталась “этнографическая вера” Сирелиуса.

Благодарности

Эта статья вряд ли была бы возможна без длительных бесед с моими учителями и наставниками — проф. В.Е. Владыкиным, проф. Ю.У.Э. Лехтоненом и музейным куратором, доц. И. Лехтинен, без споров и обсуждений с моими друзьями-критиками — В.Э. Шараповым и А. Сурво, за что я им чрезвычайно благодарен.

Примечания

¹ История рода Сирелиусов прослеживается в южной части Карелии с начала XVII в., представители рода преимущественно были связаны с духовной и чиновной службой (*Lehtonen* 1972: 12–15).

² Сбор и систематизация Э. Лённротом рун карело-финского эпоса Калевала, мифологические сюжеты в живописи А. Галлен-Каллела и музыка Ж. Сибелиуса были своего рода ответом на общественный запрос, во многом предопределившим настроение нескольких поколений финнов и сформировавшим интерес к истории и культуре своего народа и родственных финно-угорских этносов (*Wilson* 1976).

³ В последние десятилетия XIX в. в среде сельских жителей Великого княжества Финляндского и финноязычной интеллигенции усилилось влияние фенноманской партии, выступавшей за равноправие финского и шведского языков в системе образования и государственном управлении (*Karkama* 1999: 150).

⁴ Построенные по земляческому принципу финляндские студенческие союзы были хорошей школой для неофитов, адаптирующихся под контролем “старейшин” к жизни большого города. Эти своеобразные клубы объединяли студентов разных сословий и политических взглядов (*Книпович* 1892).

⁵ Землячества и ассоциация студентов “Murahaiset” (“Муравьи”) скомплектовали фонды университетского музея этнографии (создан в 1877 г.). В начале 1890-х годов студенты подарили свои собрания городу, заложив основу этнографического отдела Государственного исторического музея — предшественника Национального музея Финляндии (*Vuorela* 1977: 31–34).

⁶ Я. Янко писал: “На территории, населенной финно-угорскими народами, на юго-западе живут венгры, на северо-западе — финны (вместе с саамским народом), а на востоке — ханты. Если этнографию ханты знаешь наравне с этнографией венгров и финнов, этим самым знаешь все три угла огромного финно-угорского треугольника. С типологической точки зрения это значит, что элементы этнологии всех остальных финно-угорских народов, живущих

на территории, обрамленной этим треугольником, обогатят типологический ряд, образованный тремя основными финно-угорскими народами, по всей вероятности, только внутренними деталями” (*Jankó* 2000: 398).

⁷ В надежде найти свидетельства деяний великих предков, родом из кочевых культур Азии, воинственных этносов Кавказа или мудрецов Тибета, в элитарных кругах Венгрии строились планы этнографических поездок, археологических раскопок и филологических поисков. Одним из энтузиастов был граф Е. Зичи, собравший команду ученых, осуществивших масштабную экспедицию на Восток (Кавказ, Центральная Азия, Китай, Тибет и Сибирь). В ее научной программе был пункт, включавший изучение археолого-этнографических собраний ведущих музеев и библиотек. В ходе подготовки к экспедиции предполагалась ознакомительная поездка Я. Янко для изучения “финского опыта”, представителями принимающей стороны являлись профессор археологии И.Р. Аспелин и доцент Т. Швиндт (*Kodolányi* 1997).

⁸ Уже в первых публикациях У.Т. Сирелиус старался добиться методологической ясности, ориентируясь на научный подход, применяемый Я. Столпе (шведским этнографом) и Я. Янко. Вместе с тем он не был безоговорочно привержен эволюционизму, в его работах ощущается влияние диффузионистов и культурно-исторической школы (*Lehtinen* 1992: 45).

⁹ 02.09.1898. Около семи часов утра приходит с севера пароход “Казанец” с доктором Янко на борту. Какое счастье, что я его встретил! Через полчаса я бы поехал на Большой Юган, где он уже провел исследования. Янко съездил уже на Демьянку и Салым. Примечательно, что он ничего не сообщил о своей поездке на Обь, хотя мы договаривались писать друг другу и сообщать о своих планах. Или это было намеренно (цит. по: *Sirelius* 2001: 155). Охлаждение в их взаимоотношениях стало очевидным после выхода довольно критичной рецензии У.Т. Сирелиуса (*Sirelius* 1901) на книгу Я. Янко о происхождении венгерского рыболовства (*Jankó* 1900).

¹⁰ Репортажи, объединенные У.Т. Сирелиусом в цикл “Из путешествия по северо-востоку России”, основаны на авторском в целом критическом отношении к гигантскому государству, частью которого волею судеб стала его “маленькая Финляндия”. В то же время он отмечает технологические изменения, проявляющиеся в жизненном укладе самых дальних деревень. Вспоминая, что в первую голову он этнограф, Сирелиус увлеченно рассказывает о природных красотах, архитектурных стилях, народных костюмах и вышивках. Ученый обсуждает с возницей крестьянские нужды, пишет о проблемах парламентаризма в России и Финляндии, поднимает большой “лесной вопрос” и откровенно говорит, что не разделяет православие. Последнее обстоятельство серьезно осложнит его работу как полевого исследователя (*Sirelius* 1907).

¹¹ Судя по дневниковым записям, поездка У.Т. Сирелиуса по Коми краю проходила по маршруту: г. Усть-Сысольск — с. Вильгорт — с. Межадор — с. Мординское — с. Усть-Кулом — д. Пожегдин — с. Скородум — с. Корткерос — г. Усть-Сысольск. Он собирался побывать у ижемских коми, но из-за массы собранных громоздких вещей должен был отказаться от этого плана, ограничившись уздным городом, где он приобрел традиционную одежду и утварь коми-оленеводов (*Sirelius* 1907).

¹² Примечательно, что в поле У.Т. Сирелиус начал активно интересоваться праздничной культурой и элементами духовной жизни этноса, а позднее подготовил развернутый этнографический вопросник для изучения народных обрядов и верований (*Sirelius* 1914).

¹³ Свою работу в д. Курчум-Норья У.Т. Сирелиус описывал так: «В помещение школы, где я закупал часть экспонатов для коллекции, пришел один старик и, увидев, что на полу лежит хороший женский костюм, сказал: “От всего этого хорошего не ждите. Он скупает только предметы в хорошем состоянии, чтобы показать царю, как мы якобы живем в роскоши и даже работаем в праздничной одежде. Это приведет лишь к увеличению налогов”. Более молодое поколение слушало деда со вниманием. Мне стало ясно, что теперь необходимо взять ситуацию в свои руки. Если предположение старика не опровергнуть, то события будут развиваться по уже известному из моего опыта сценарию: я просто-напросто не смогу ничего собрать. Поэтому я сел напротив него и спросил громким голосом:

“Ты можешь построить пароход?”

“Нет”, последовал ответ.

“А паровоз можешь собрать?”

“Нет”.

“А умеешь ли ты посылать телеграммы?”

“Нет”.

“А умеешь ли ты фотографировать? Вон стоит аппарат”.

“Нет”.

Молодежь начала ухмыляться. Я старался дать понять старику, насколько неуместно судить о моей работе, не имея представления о чем-либо, происходящем за пределами своего села. В конце концов, пристыженный дед ретировался. В смысле удачного пополнения коллекции это была единственная деревня, где победа осталась за мной» (цит. по: *Sirelius* 1907).

¹⁴ У.Т. Сирелиус стал не только автором богатейшего собрания этнографических фотографий, но и одним из ведущих европейских фотографов. Нередко он делал антропологические фотопортреты информантов, сопровождая их данными о возрасте, этнической принадлежности, месте рождения, семейном положении, цвете глаз и волос, перенесенных болезнях, сведениями о родителе (Iso Karhu 1980: 22–23).

¹⁵ В 1910–1911 гг. У.Т. Сирелиус сотрудничал с коллегами из этнографического отдела Русского музея Императора Александра III, помогая формировать финскую коллекцию и одновременно знакомясь с собранными вещами. Его особо интересовали предметы, приобретенные в северорусских и карельских губерниях. Тогда же он стал действительным членом Архангельского общества изучения Русского Севера (*Фишман* 2005: 175–187).

¹⁶ После Беломорской экспедиции в 1912–1914 гг. У.Т. Сирелиус опубликовал серию статей (*Sirelius* 1912a: 1–6; 1912b: 29–58; 1914b: 1–26).

¹⁷ В своих “замечках путешественного” по беломорским землям У.Т. Сирелиус писал: «Возможно, будущим исследователям удастся выяснить, каково происхождение тех или иных культурных факторов. Русские, проживающие севернее на Мезени, в свое время переняли от автохтонного самоедского населения даже оленеводство. Взаимное влияние вполне очевидно. Не надо долго разговаривать с русскими о вещах, относящихся к примитивной культуре, как слух начинает улавливать то одно, то другое по-фински звучащее слово. Так, можешь услышать упоминание о “taibal”, “nodija”, “vitsa”, “vartotshka”, “tulkki” и пр. Иногда возникает желание предположить также телесное смешение. Видите ли, здесь часто можно наблюдать таких же черно- и рыжебородых мужиков, как и в речных долинах зырянских земель. К тому же странна и сама речевая интонация, которую мне не приходилось слышать в других русских краях... Существуют исторические подтверждения того, что столетия назад край был финским. На то же указывают некоторые названия предметов и также рек» (цит. по: *Сурво и др.* 2016: 93–94).

¹⁸ Не случайно спутником У.Т. Сирелиуса — “фотографа” — был художник Й.В. Маттила, призванный в красках отобразить “ситуацию возвращения” в страну отцов. О ходе экспедиции Сирелиус рассказывал в репортажах для еженедельной газеты “Helsingin Sanomat” и альманаха “Nuori Suomi”. Для него было важно замкнуть кольцо путешествий, начавшихся 12 лет назад с охотничьих зимовий и рыболовных заповор обских угров, охвативших поля крестьянских общин пермских народов и завершающихся теперь на “земле Калевалы”. Через несколько лет Сирелиус построит свой “дом родственных народов”, открыв в 1923 г. Первую финно-угорскую выставку в Национальном музее Финляндии (*Sirelius* 1921).

¹⁹ У.Т. Сирелиус старался быть в курсе “этнографической моды” и не упускал возможности поехать в европейские музеи и университеты. Так, в 1909 г. на сенатскую стипендию он изучал организацию дела по восстановлению и содержанию памятников истории и культуры в Германии и Франции, в 1911 г. ознакомился с музеями и библиотеками Берлина и Стокгольма. Почти ежегодно он наведывался в Санкт-Петербург на различные музейные мероприятия. Особый его интерес вызвала Вторая Всероссийская кустарная выставка 1913 г., на которой были представлены произведения народного декоративно-прикладного искусства и ремесел из многих областей империи (*Lehtonen* 1972: 81–82).

²⁰ У.Т. Сирелиус пристальное внимание уделял фиксации орудий лова, считая их важными свидетельствами адаптации человека к географическому пространству. Особый его интерес вызывали обско-угорские материалы, как ему представлялось, имевшие изначальный конструктивный замысел (*Sirelius, Wichmann* 1914; *Sirelius* 1934a).

²¹ В середине 1920-х годов У.Т. Сирелиус погрузился в проблематику, связанную с историей ткачества у финнов, в частности с традицией изготовления домотканых ковров, прочно вошедших в интерьер жилища многих финно-угорских народов (*Sirelius* 1924b, 1926).

²² В главе о лесных промыслах финно-угорских народов У.Т. Сирелиус говорит, что невозможно понять что-либо в этнических культурах без понимания истоков и последующих трансформаций изучаемого предмета (*Sirelius* 1934b).

²³ Преемники У.Т. Сирелиуса, возглавлявшие кафедру финно-угорской этнографии Хельсинкского университета в 1930–1980-е годы, А. Хямяляйнен и К. Вилкуна происходили из крестьянских семей, а Н. Валонен был сыном лесничего (*Lehtonen* 1992: 126; *Korhonen, Räsänen* 1992: 144).

Источники и материалы

- Книпович* 1892 — *Книпович Н.* Гельсингфорсский университет // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VIII / Ред. И.Е. Андреевский, К.К. Арсеньев, Ф.Ф. Петрушевский. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1892. С. 291–292.
- Сирелиус У.Т.* Этнографические вопросные листы. Т. I: Обычаи и верования, сопряженные с рождением, детством и смертью. Гельсингфорс, 1914.
- Iso Karhu 1980 — Iso Karhu: Arkistokuvia etäisten kielisukulaistemme asuinsijoilta / Eds. I. Lehtinen, J. Kukkonen. Lahti: SKS-Museovirasto, 1980.
- KM SU — Kansallismuseon: suomalais-ugrilaisen kokoelmat.
- MV KA — Museovirasto: Kuva-arkisto.
- MV КТККА — Museovirasto: Kansatieteen käsikirjoitusarkisto.
- Sirelius — Sirelius U.T.* Matkalta Koillis-Wenäjällä, I, II, III // Helsingin Sanomat. 1907. № 170, 174, 192.
- Suomalais-ugrilaisen 1908 — Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosikertomus 1906–1907 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1908. n° 25. S. 5–8.
- Suomen suku I–III — Suomen suku, I–III. Helsinki: Otava, 1926; 1928; 1934.

Научная литература

- Вилкуна К.* О положении финно-угорской этнографии (этнологии) в настоящее время // Советское финно-угроведение. 1965. № 2. С. 129–138.
- Жеребцов И.Л., Загребин А.Е., Шаранов А.Ю., Юрталов А.Ю.* Этнографический музей и идентичность: к предыстории формирования музейных коллекций пермских народов (коми и удмуртов) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. Вып. 1. С. 78–82.
- Загребин А.Е.* Этнографическое финно-угроведение в России: динамика научных идей и знаний // Труды Карельского научного центра РАН (Гуманитарные науки). 2014. Вып. 3. С. 3–8.
- Загребин А.Е., Куликов К.И.* Советское финно-угроведение 1920-х — начала 1930-х гг.: первые действия и противодействия // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII — первой половине XX вв. / Ред. И. Яатс, Э. Таммиксаар. Тарту: Эстонский национальный музей, 2011. С. 149–163.
- Загребин А.Е., Шаранов В.Э.* К истории “пермской экспедиции” У.Т. Сирелиуса // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 110–117.
- Загребин А.Е., Шаранов В.Э.* У.Т. Сирелиус и проблемы изучения культуры жизнеобеспечения финно-угорских народов России // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 22–28.
- Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб.: Европейский дом, 1997.
- Попов Н.С.* Вклад С.К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // Финно-угроведение. 2005. № 1. С. 58–78.
- Сирелиус У.Т.* Путешествие к хантам / Пер. с нем. и публик. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001.
- Сурво В.В., Сурво А.А., Шаранов В.Э.* Этнография “у зеркала”: письма У.Т. Сирелиуса с Белого моря // Уральский исторический вестник. 2016. № 2. С. 88–97.
- Фишман О.М.* Контакты и импульсы: из истории финской и российской этнографии // Санкт-Петербург — Хельсинки, Хельсинки — Санкт-Петербург, 1809–2004 / Отв. ред. А.В. Прохоренко. СПб.: Институт Финляндии в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2005. С. 175–187.
- Харузин Н.Н.* Очерк истории развития жилища у финнов // Этнографическое обозрение. 1895. Кн. 24. № 1. С. 35–78; кн. 25. № 2. С. 51–104.
- Balassa I.* Jancó János, az etnográfus // Ethnographia. 1968. Kt. 79. Ol. 319–323.

- Blomstedt Y., Sucksdorf V.* Karelische Gebäude und ornamentale Formen aus Zentral-Russisch-Karelien. Helsingfors: Finnische Altertums-gesellschaft, 1902.
- Buch M.* Die Wotjaken: Eine ethnologische Studie. Helsingfors: Druckerrei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1882.
- Heikel A.O.* Die Gebäude der Tscheremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. Ethnographische Forschungen aus dem Gebiete der finnische Völkerschaften. Helsingfors: Druckerrei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1888.
- Hämäläinen A.* Das Gebiet, die Aufgaben und der gegenwärtige Stand der finnisch-ugrischen Völkerkunde // Mitteilungen des Vereins für finnische Volkskunde. 1943. Bd. 1–2. S. 1–13.
- Inha I.* Kalevalan laulumailta. Helsinki: Tietosanakirja OY, 1921.
- Jankó J.* A magyar halászat eredete // *Jankó J. Zichy Jenő Gróf harmadik ázsiai utazása I.* Budapest; Leipzig: Hornyánszky V.; Karl W. Hiersemann, 1900.
- Jankó J.* Die ethnographische Abtheilung des ungarischen Nationalmuseums // *Acta Ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae.* 1978. T. 27. S. 223–224.
- Jankó J.* Finnországi jegyzetek. Budapest: Néprajzi Múzeum, 1993.
- Jankó J.* Utazás osztjákkföldre 1898. Budapest: Néprajzi Múzeum, 2000.
- Karkama P.* The Individual and National Identity in J.V. Snellman's Young-Hegelian Theory // *National History and Identity: Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region in the Nineteenth and Twentieth Centuries (Studia Fennica: Ethnologica 6)* / Ed.M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. P. 141–152.
- Kodolányi J., Jr.* Gróf Zichy Jenő harmadik ázsiai expedíciója és Jankó János // *Néprajzi Értesítő.* 1997. Kt. 79. Ol. 47–56.
- Korhonen T., Räsänen M.* Niilo Valonen 1913–1983 // *Pioneers: The History of Finnish Ethnology (Studia Fennica: Ethnologica 1)* / Ed.M. Räsänen. Helsinki: Finnish Literature Society, 1992. P. 144–168.
- Korompay B.* Jancó János, a finnugor néprajzi kutatásokúttörője // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1954. Kt. 54. Ol. 228–246.
- Lehtinen I.* Field Expedition as a Source of Finno-Ugrian Ethnology // *Pioneers: The History of Finnish Ethnology (Studia Fennica: Ethnologica 1)* / Ed.M. Räsänen. Helsinki: Finnish Literature Society. 1992. P. 41–49.
- Lehtinen I.* August Ahlqvistin kansatieteelliset havainot // *Suomen kieli, Suomen mieli.* Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1993. S. 78–97.
- Lehtonen J.U.E.* U.T. Sirelius ja kansatiede. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1972.
- Lehtonen J.U.E.* U.T. Sirelius: Student of Finno-Ugric Ethnology // *Ethnologia Scandinavica.* 1981. P. 13–21.
- Lehtonen J.U.E.* Kustaa Vilkkuna // *Pioneers: The History of Finnish Ethnology (Studia Fennica: Ethnologica 1)* / Ed.M. Räsänen. Helsinki: Finnish Literature Society, 1992. P. 126–134.
- Niiranen T.* Axel Olai Heikel. Sumalais-ugrilaisen kansatieteen ja arkeologian tutkija. Kuopio: Kustannuskiila, 1987.
- Sihvo H.* Karelia: A Source of Finnish National History // *National History and Identity: Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries (Studia Fennica: Ethnologica 6)* / Ed.M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. P. 181–201.
- Sirelius U.T.* Ostjakkilaiselta matkaltani v. 1898 // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1900a. n° 17. P. 1–29.
- Sirelius U.T.* Kertomus ostjakkien ja vogulien luo tekemästani kansatieteellisestä tutkimusmatkasta v 1899–1900 // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1900b. n° 18. P. 1–10.
- Sirelius U.T.* J. Jankó. Herkunft der magyarischen Fischerei // *Finnisch-Ugrischen Forschungen.* Anzeiger. 1901. Bd. 1. S. 1–26.
- Sirelius U.T.* Ostjakkien ja vogulien hautaustavoista ja heidän käsityksestään elämästä kuoleman jälkeen // *Suomen Museo.* 1902. Bd. 9. S. 49–56.
- Sirelius U.T.* Ostjakkien ja vogulien hautaustavoista ja heidän käsityksestään elämästä kuoleman jälkeen // *Suomen Museo.* 1903a. Bd. 10. S. 4–14, 36–42.
- Sirelius U.T.* Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1903b. n° 22. S. 1–75.
- Sirelius U.T.* Ostjakkien ja vogulien tuohi- ja nahkakoristeita. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen. Helsingissä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 1904.

- Sirelius U.T.* Suomalaisten kalastus, I–III. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran, 1906–1908.
- Sirelius U.T.* Matkakertomus kansatieteelliseltä matkalta permalaiskansain keskuuteen kesällä 1907 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1908a. n° 25. S. 15–17.
- Sirelius U.T.* Über die primitive Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker. Helsingfors: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 1910.
- Sirelius U.T.* Primitive konstruktionsteile an prähistorischen Schiffen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1912a. Bd. 13. S. 1–6.
- Sirelius U.T.* Über einige Traggeräte und Umschlagetücher bei den finnisch-ugrischen Völkern // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 1912b. Vol. 26. S. 29–58.
- Sirelius U.T.* Über das Jagdrecht bei einigen finnisch-ugrischen Völkern // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1914a. Vol. 35. S. 1–34.
- Sirelius U.T.* Über einige Prototype des Schlittens // Journal de la Société Finno-Ougrien. 1914b. n° 30. S. 1–26.
- Sirelius U.T.* Suomen kansanpukujen historia // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1916. n° 31.
- Sirelius U.T.* Suomen kansanomaista kulttuuria, I–II. Esineellisen kansatieteen tuloksia. Helsinki: Otava, 1919; 1921.
- Sirelius U.T.* Kalevalatalo, suomalaisen kulttuuritutkimuksen ahjo ja ohjelma. Helsinki, 1921.
- Sirelius U.T.* Suomen Kansallismuseo. Opas suomalais-ugrilaisella osastolla. Helsinki, 1923.
- Sirelius U.T.* Die Herkunft der Finnen. Die finnisch-ugrischen Völker. Helsinki, 1924a.
- Sirelius U.T.* Suomen ryijyt. Tekstiilihistoriallinen tutkimus. Helsinki: Otava, 1924b.
- Sirelius U.T.* The Ryijy-Rugs of Finland: A Historical Study. Helsinki; Zwickau, 1926.
- Sirelius U.T.* Die Volkskultur Finlands. I: Jagd und Fischerei in Finland / Hrsg. von Wolfgang Steinitz. Berlin; Leipzig: de Gruyter, 1934a.
- Sirelius U.T.* Metsästyks // Suomen suku, III. Helsinki: Otava, 1934b. S. 3–46.
- Sirelius U.T.* Reisebeschreibung der zweiten expedition von U.T. Sirelius zu den Ostjaken und Wogulen // Reise zu den Ostjaken / Hrsg. von I. Lehtinen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1983. S. 15–21.
- Sirelius U.T., Wichmann Y.* Pari vanhaa pyydystä // Virittäjä. 1914. Vol. 18. S. 96–101.
- Vilkuna K.* Opetajani Uuno Taavi Sirelius // Kalevala seuran vuosikirja. 1969. Vol. 49. S. 85–101.
- Vuorela T.* Ethnology in Finland before 1920. Helsinki: Societas scientiarum Fennica, 1977.
- Wilson W.A.* Folklore and Nationalism in Modern Finland. *Bloomington*: Indiana University Press, 1976.

Research Article

Zagrebin, A.Ye. Uuno Taavi Sirelius and His “Ethnographic Faith” [Uuno Taavi Sirelius i ego “etnograficheskaia vera”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 2, pp. 150–166. <https://doi.org/10.31857/S086954150004875-2> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Aleksei Ye. Zagrebin | <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581> | zagreb72@izh.com | Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt Federal Research Center UrO RAS (4 Lomonosov St., Izhevsk, 426004, Russia)

Keywords

Finno-Ugric peoples, history of ethnography, ethnographic expeditions, museum, exhibition, Department of Finno-Ugric Ethnography

Abstract

The article examines the key issues in the history of studying Finno-Ugric peoples of Russia that were raised owing to the activities of Uuno Taavi Sirelius (1872–1929), the founding chair of the Department of Finno-Ugric Ethnography at the University of Helsinki. I discuss the part that the scholar played in the shaping of an ethnically recognizable image of Finno-Ugric peoples in academic research and discourses of education, literature, and politics. Special attention is paid to his search for

novel theoretical and methodological principles that could be put into effective practice in museum work and ethnographic expeditions in the broader intellectual context of European scholarship around the turn of the 19th–20th centuries. I argue that Sirelius played an important role in training the first generation of professional ethnographers of Finno-Ugric origin and explore the various facets of his academic work from editorial and exhibition projects to field research, as well as trace the reception of his contributions in the area of Finno-Ugric studies.

References

- Balassa, I. 1968. Jancó János, az etnográfus [Jancó János as Ethnographer]. *Ethnographia* 79: 319–323.
- Blomstedt, Y., and V. Sucksdorf. 1902. *Karelische Gebäude und ornamentale Formen aus Zentral-Russisch-Karelien* [Carelian House and Ornamental Forms in the Central-Russian Carelia]. Helsingfors: Finnische Altertumsgesellschaft.
- Buch, M. 1882. *Die Wotjaken: Eine ethnologische Studie* [The Votjaks: A Ethnological Study]. Helsingfors: Druckerrei der Finnischen Litteratur Gesellschaft.
- Fishman, O.M. 2005. Kontaktty i impulsy: iz istorii finskoi i rossiiskoi etnografii [Contacts and Impulses: From the History of Finnish and Russian Ethnography]. In *Sankti-Peterburg — Khel'sinki, Khel'sinki — Sankt-Peterburg, 1809–2004* [St. Petersburg — Helsinki, Helsinki — St. Petersburg, 1809–2004], edited by A.V. Prokhorenko, 175–187. St. Petersburg: Institut Finliandii v Sankt-Peterburge: Evropeiskii Dom.
- Heikel, A.O. 1888. *Die Gebäude der Tscheremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. Ethnographische Forschungen aus dem Gebiete der finnische Völkerschaften* [The Mari's, Mordovian's, Estonian's and Finnish Houses: Ethnographical Research on the Sphere of Finnish Kinsfolk]. Helsingfors: Druckeri der Finnischen litteraturgesellschaft.
- Hämäläinen, A. 1943. Das Gebiet, die Aufgaben und der gegenwärtige Stand der finnisch-ugrischen Völkerkunde [The Subject, Task and Modern Situation on the Finno-Ugric Ethnology]. *Mitteilungen des Vereins für finnische Volkskunde* 1–2: 1–13.
- Inha, I. 1921. *Kalevalan laulumailta* [Kalevala — Singing Country]. Helsinki: Tietosanakirja OY.
- Jankó, J. 1900. *A magyar halászat eredete* [The Origin of Hungarian Fishing]. In *Zichy Jenő Gróf harmadik ázsiai utazása, I* [The 3rd Asian Expedition of Count Jenő Zichy, I], by J. Jankó. Budapest; Leipzig: Hornyánszky V.; Karl W. Hiersemann.
- Jankó, J. 1978. Die ethnographische Abteilung des ungarischen Nationalmuseums [The Department of Ethnography in Hungarian National Museum]. *Acta Ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae* 27: 223–224.
- Jankó, J. 1993. *Finnországú jegyzetek* [The Notes of Finland]. Budapest: Néprajzi Múzeum.
- Jankó, J. 2000. *Utazás osztjákföldre 1898* [The Travelling to Ostjaks]. Budapest: Néprajzi Múzeum.
- Karkama, P. 1999. The Individual and National Identity in J.V. Snellman's Young-Hegelian Theory. In *National History and Identity: Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region in the Nineteenth and Twentieth Centuries (Studia Fennica: Ethnologica 6)*, edited by M. Branch, 141–152. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Kharuzin, N.N. 1895. Oчерк istorii razvitiia zhilisha u finnov [The Outline of History Finnish Houses]. *Etnograficheskoe obozrenie* 24 (2): 51–104; 25 (2): 51–104.
- Kodolányi, J., Jr. 1997. Gróf Zichy Jenő harmadik ázsiai expedíciója és Jankó János [The 3rd Asian Expedition of Count Jenő Zichy]. *Néprajzi Értesítő* 79: 47–56.
- Korhonen, T., and M. Räsänen. 1992. Niilo Valonen 1913–1983. In *Pioneers: The History of Finnish ethnology (Studia Fennica: Ethnologica 1)*, edited by M. Räsänen, 144–168. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Korompay, B. 1953. Jancó János, a finnugor néprajzi kutatókuttörője [Jancó János and the Subject of Finno-Ugric Ethnography]. *Nyelvtudományi Közlemények* 54: 228–246.
- Lehtinen, I. 1992. Field Expedition as a Source of Finno-Ugric Ethnology. In *Pioneers: The History of Finnish Ethnology (Studia Fennica: Ethnologica 1)*, edited by M. Räsänen, 41–49. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Lehtinen, I. 1993. August Ahlqvistint kansatieteelliset havainnot [The Ethnographical Observations of August Ahlqvist]. In *Suomen kieli, Suomen mieli* [Finnish language, Finnish thought], 78–97. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Lehtonen, J.U.E. 1972. *U.T. Sirelius ja kansatiede* [U.T. Sirelius and Ethnography]. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys.

- Lehtonen, J.U.E. 1981. U.T. Sirelius Student of Finno-Ugric Ethnology. *Ethnologia Scandinavica* 13–21.
- Lehtonen, J.U.E. 1992. Kustaa Vilku. In *Pioneers: The History of Finnish Ethnology (Studia Fennica: Ethnologica 1)*, edited by M. Räsänen, 126–134. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Niiranen, T. 1987. *Axel Olai Heikel. Suomalais-ugrilaisen kansatieteen ja arkeologian tutkija* [Axel Olai Heikel: Finno-Ugric Ethnographer and Archeologist]. Kuopio: Kustannuskiila.
- Polvinen, T. 1997. Derzhava i okraina. N.I. Bobrikov — general-gubernator Finliandii 1898–1904 gg. [Power and Outskirt: N.I. Bobrikov — General-Governer of Finland 1898–1904]. St. Petersburg: Evropeiskii dom.
- Popov, N.S. 2005. Vklad S.K. Kuznetsova v izuchenie tradicii mariitsev i udmurtov [S.K. Kuznetsov’s Contribution in Mari’s and Udmurt’s Traditions Studies]. *Finno-ugrovedenie* 1: 58–78.
- Sihvo, H. 1999. Karelia: A Source of Finnish National History. In *National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region in the Nineteenth and Twentieth Centuries (Studia Fennica: Ethnologica 6)*, edited by M. Branch, 181–201. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Sirelius, U.T. 1901. J. Jankó. Herkunft der magyarischen Fischerei [J. Jankó. The Origin of Hungarian Fishing]. *Finnisch-Ugrischen Forschungen* [Finno-Ugric Studies]. Anzeiger 1: 1–26.
- Sirelius, U.T. 1900. Ostjakkilaiselta matkaltani v 1898 [Travelling to Ostjaks in 1898]. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 17: 1–29.
- Sirelius, U.T. 1900. Kertomus ostjakkien ja vogulien luotekemästäni kansatieteellisestä tutkimusmatkasta v. 1899–1900 [The Report of Ethnographical Scientific Trip to Ostjaks and Voguls in 1899–1900]. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 18: 1–10.
- Sirelius, U.T. 1902. Ostjakkien ja vogulien hautaustavoista ja heidän käsityksestään elämästä kuoleman jälkeen [The Ostjaks and Voguls Practice of Burial and Representation of the Life after Death]. *Suomen Museo* 9: 49–56.
- Sirelius, U.T. 1903. Ostjakkien ja vogulien hautaustavoista ja heidän käsityksestään elämästä kuoleman jälkeen [The Ostjaks and Voguls Practice of Burial and Representation of the Life after Death]. *Suomen Museo* 10: 4–14, 36–42.
- Sirelius, U.T. 1903. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen [The Home Crafts of Ostjaks and Voguls]. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 22: 1–75.
- Sirelius, U.T. 1904. *Ostjakkien ja vogulien tuohi- ja nahka koristeita. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen* [The Ostjaks and Voguls Ornaments on the Birch Bark and Fur]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö.
- Sirelius, U.T. 1906–1908. *Suomalaisten kalastus. I–III* [The Finnish Fishing. I–III]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran.
- Sirelius, U.T. 1908. Matkakertomus kansatieteelliseltä matkalta permialaiskansain keskuuteen kesällä 1907 [Travel Notes of Ethnographical Trip to the Permian People on the Middle of Summer 1907]. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 25: 15–17.
- Sirelius, U.T. 1910. *Über die primitive Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker* [About the Primitive Buildings of Finnish and Ob-Ugric People]. Helsingfors: Finnisch-Ugrische Gesellschaft.
- Sirelius, U.T. 1912. Primitive konstruktionsteile an prähistorischen Schiffen [The Primitive Construction of Prehistoric Boats]. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 13: 1–6.
- Sirelius, U.T. 1912. Über einige Traggeräte und Umschlagetücher bei den finnisch-ugrischen Völkern [About Same Load-Carry Systems of Finno-Ugric People]. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* 26: 29–58.
- Sirelius, U.T. 1914. Über das Jagdrecht bei einigen finnisch-ugrischen Völkern [About the Hunting Rule of Finno-Ugric People]. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 35: 1–34.
- Sirelius, U.T. 1914. Über einige Prototype des Schlittens [About Same Prototype of Skies]. *Journal de la Société Finno-Ougrien* 30: 1–26.
- Sirelius, U.T. 1916. Suomen kansanpukujen historia [The History of Finnish Dress]. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 31.
- Sirelius, U.T. 1919/1921. *Suomen kansanomaista kulttuuria, I–II. Esineellisen kansatieteen tuloksia* [Finnish Folc Culture, I–II; The Artifacts Ethnographical Results]. Helsinki: Otava.
- Sirelius, U.T. 1921. *Kalevalatalo, suomalaisen kulttuuritutkimuksen ahjo ja ohjelma* [The House of Kalevala, Center and Program of Finnish Culture Research]. Helsinki.
- Sirelius, U.T. 1923. *Suomen Kansallismuseo. Opas suomalais-ugrilaisella osastolla* [Finnish National Museum: The Guidebook to Finno-Ugric Department]. Helsinki.

- Sirelius, U.T. 1924. *Die Herkunft der Finnen. Die finnisch-ugrischen Völker* [The Origin of Finns: Finno-Ugric People]. Helsinki.
- Sirelius, U.T. 1924. *Suomen ryijyt. Tekstilihistoriallinen tutkimus* [Finnish Rugs: A Textile-Historical Study]. Helsinki: Otava.
- Sirelius, U.T. 1926. *The Ryijy-Rugs of Finland: A Historical Study*. Helsinki; Zwickau.
- Sirelius, U.T. 1934. *Die Volkskultur Finlands. I: Jagd und Fischerei in Finland* [Folk Culture of Finland: I: Hunting and Fishing], edited by W. Steinitz. Berlin; Leipzig: de Gruyter.
- Sirelius, U.T. 1934. Metsäsästy [Wooden Works]. In *Suomen suku* [Finnish Kin], 3: 3–46. Helsinki: Otava.
- Sirelius, U.T. 1983. Reisebeschreibung der zweiten expedition von U.T. Sirelius zu den Ostjaken und Wogulen [Travel Notes of the Two Expedition of U.T. Sirelius to Ostjaks and Voguls]. In *Reise zu den Ostjaken* [Travel to Ostjaks], edited by I. Lehtinen, 15–21. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- Sirelius, U.T. 2001. *Puteshestvie k khantam* [Travel to Khant's]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Sirelius, U.T., and Y. Wichmann. 1914. Pari vanhaa pyydystä [Two Olden Traps]. *Virittäjä* 18: 96–101.
- Survo, V.V., A.A. Survo, and V.E. Sharapov. 2016. Etnografia “u zerkala”: pis'ma U.T. Sirelius a Belogo moria [“In front of a Mirror” Ethnography: U.T. Sirelius's Letters from the White Sea]. *Urals historical news* 2: 88–97.
- Vilkuna, K. 1965. O polozhenii finno-ugorskoi etnografii (etnologii) v nastoiashnee vrem'ia [About the Position of Finno-Ugric Ethnography (Ethnology) in Modern Time]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* 2: 129–138.
- Vilkuna, K. 1969. Opetajani Uuno Taavi Sirelius [My Teacher Uuno Taavi Sirelius]. *Kalevalaseuran vuosikirja* 49: 85–101.
- Vuorela, T. 1977. *Ethnology in Finland before 1920*. Helsinki: Societas scientiarum Fennica.
- Wilson, W.A. 1976. *Folklore and Nationalism in Modern Finland*. Bloomington: Indiana University Press.
- Zagrebin, A.E. 2014. Etnograficheskoe finno-ugrovedenie v Rossii: dinamika nauchnykh idei i znanii [Ethnographic Finno-Ugric Studies in Russia: The Evolution of Scientific Ideas and Knowledge]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN (Gumanitarnye nauki)* 3: 3–8.
- Zagrebin, A.E., and K.I. Kulikov. 2011. Sovetskoe finno-ugrovedenie 1920-kh — nachala 1930-kh gg.: pervye deistviia i protivodeistviia [Soviet Finno-Ugric Studies in the 1920s and Early 1930s: First Action and Counter-Actions]. In *Proniknovenie i primenenie diskursa natsional'nosti v Rossii i SSSR v kontse XVIII — pervoi polovine XX vv.* [The Introduction and Use of the Nationality Discourse in Russia and the USSR in the Late 18th — First Half of the 20th Centuries], edited by I. Yaats and E. Tammiksaar, 149–163. Tartu: Estonskii natsional'nyi muzei.
- Zagrebin, A.E., and V.E. Sharapov. 2008. K istorii “permskoi ekspeditsii” U.T. Sirelius [To the History of U.T. Sirelius Permian Expedition]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 110–117.
- Zagrebin, A.E., and V.E. Sharapov. 2011. U.T. Sirelius i problemy izucheniia kultury zhizneobespecheniia finno-ugorskikh narodov Rossii [U.T. Sirelius and the Problems of Studying Economy and Material Culture of the Finno-Ugric People in Russia]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* 6: 22–28.
- Zherebtsov, I.L., A.E. Zagrebin, V.E. Sharapov, and A. Yu. Yurpalov. 2012. Etnograficheskii muzei i identichnost': k predystorii formirovaniia muzeinykh kollektssii permskikh narodov (komi i udmurts) [The Muzeum of Ethnography and Identity: To the Prehistory of Museum Collections Formation of the Permian Peoples (Komi and Udmurts)]. *Izvestia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* 1: 78–82.